

Что могут видеть дети

Оригинал здесь: <http://orthodox.sf.ukrtel.net/tavrida/2002/12/list16.htm>

В тридцатых годах я часто бывал в Загорске [ныне - Сергиев Посад]. Ездил я туда к моему большому другу - писателю Сергею Тимофеевичу Григорьеву, который, не помню теперь точно, в каком году, купил там себе дом.

Сергей Тимофеевич, к тому времени человек уже пожилой, очень грузный, с больным сердцем, стал малоподвижен. Он редко куда выезжал, но был полон жизни, любил людей, встречи с ними, всякий шум и разговоры. Самую большую комнату в своем доме он отвел для гостей, и, надо сказать, комната эта никогда не пустовала. Часто на ночь там устанавливали три-четыре раскладушки, и шума в ней было гораздо больше, чем во всем доме.

Сергей Тимофеевич Григорьев был очень интересный человек. Волжанин, в молодости он долго жил в Петербурге; закончил там Технологический институт, был связан с петербургскими революционными организациями. Позднее он много жил в Самаре, знал всех самарских большевиков, был близок в этот период к Горькому.

Под фамилией Патрашкин он много писал в газетах того времени, был постоянным сотрудником петербургской газеты "День", публиковался в "Русской мысли", понемногу втянулся в художественную литературу. После революции он посвятил себя исключительно детской литературе. Его книги, такие как "Берка-кантонист", "С мешком за смертью", "Суворов", "Кругосветка", пользовались большим успехом, и деньги, полученные за них от Госиздата, дали ему возможность купить себе в Загорске дом.

Большой, светло-русый, голубоглазый, с окладистой пышной бородой - уже всем своим обликом Сергей Тимофеевич говорил, что он русский человек. Все русское он любил как-то особенно. И не только умилялся от всего родного, но глубоко изучил и по-настоящему знал русскую жизнь, русскую историю, русскую литературу, искусство, русскую песню, игрушку, всякие наши кустарные промыслы. К загранице он был равнодушен, Россию же изъездил вдоль и поперек.

Был ли он религиозен? Сам он считал себя верующим и православным. Еще до покупки дома, в двадцатых годах, когда он жил на Московской улице в доме Палкина, он водил знакомство со всеми лаврскими монахами, и они постоянно у него бывали, дружил с отцом Павлом Флоренским. Все это не мешало ему интересоваться "живой церковью", "обновленцами", и я хорошо знаю о его дружбе с епископом Антонином. Григорьев вместе со своей женой могли на память пропеть всю всенощную или литургию, но я никогда не видел, чтобы он молился перед иконой, и икон в его доме не было. Только в комнате для гостей висела без стекла и рамы, прибитая гвоздями прямо к стене, больших размеров великолепная фотография "Ангела" Андрея Рублева.

Я написал, что икон в доме не было, но это не совсем так. Была икона в столовой, которая тесно примыкала к кухне, куда дверь была всегда открыта, что было очень удобно для жены Григорьева Елены Алексеевны. Она целыми днями возилась у русской печки и в то же время всегда участвовала в беседах гостей, происходивших, как правило, в столовой. Еда у Григорьевых была делом священным, и гости часто целый день проводили около стола. Кроме стола и стульев, в углу комнаты стоял еще небольшой кустарный поставец для чайной посуды. Вот над этим поставцом была высоко прибита полочка-угольник, и на ней стояла икона.

Я бывал у Григорьевых много раз, иногда гостил по месяцу, часто меня оставляли одного - сторожить дом; и как ни старался я разобраться, что это за икона, так и не смог. Думаю, что если бы даже я снял ее с полочки, то и тогда ничего бы не разглядел, так она была темна. Я спрашивал об иконе у Григорьева, но он всегда отделялся шуткой. Издали, когда, например, сидя за столом, взглянешь на нее, - просто черная доска.

Были как-то у Григорьевых гости. Приехал его племянник с женой и сыном, мальчиком лет четырех. От Елены Алексеевны я знал, что этот племянник - ярый коммунист и что, несмотря на свою молодость, он по службе достиг высокого поста: был директором какого-то крупного писчебумажного комбината, где-то в бывшей Новгородской губернии. Сергей Тимофеевич за своим племянником явно ухаживал. Через него он получал прекрасную бумагу, что в то время было не очень просто. А Григорьев знал толк в бумаге и любил писать только на хорошей. Бумаги этой уходило у него масса, так как писал он много.

В день приезда почетного гостя из других гостей были только двое: я и Владимир Павлович Ютанов. И вот сидим мы вокруг стола. Кончился обед. Елена Алексеевна хлопотала с чаем. Сергей